

Л. А. Лелеков

К НОВЕЙШЕМУ РЕШЕНИЮ ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Традиционная панорама индоевропеистики за последние годы претерпела разительные изменения. Больше других способствовали этому Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов¹. Смелыми мазками они заново переписали привычную науке картину индоевропейского прошлого. Основанием к весьма радикальной ревизии прежних теорий авторам послужила предприятая ими этимологическая реконструкция праиндоевропейского словаря. Реконструированным праформам отдается решительное предпочтение перед прямыми данными так называемых архаических текстов, хеттских, ведических, древнегреческих, раннелатинских, авестийских и т. д. Реконструкцию дополняют пространные экскурсы в археологию, древнюю историю, палеоэтнографию, широкие сопоставления и аналогии между реконструируемой общеиндоевропейской культурой и цивилизациями Передней Азии.

Ареал возникновения праиндоевропейской общности, по новой концепции, надлежит усматривать к югу от Кавказа и на севере Месопотамии. Как будто не исключается и южная зона Балкан². Праиндоевропейцы, следовательно, — автохтоны Армянского нагорья³, где они в таком случае должны были сосуществовать с местным же протохурритским этносом. Поначалу праиндоевропейцы были оседлыми горными земледельцами наподобие прочих соседних этносов, затем в разное время и в разных направлениях они покинули прародину, кроме армян и хетто-лувийцев, как, впрочем, и особой индоиранской группы, будущих митанийцев. Греки и часть хеттов незначительно сместились от центра первичного ареала, иранцы и тохары несколько дальше, а так называемые «древнеевропейцы» в лице будущих италиков, кельтов, германцев, балтов и славян, очевидно также иллирийцев, совершили круговую миграцию через Среднюю Азию вокруг Каспия, поднялись в умеренные широты и продвинулись на запад. Позднее кельты — галаты через Балканы вернулись в Малую Азию, замкнув гигантское кольцо тысячелетних евразийских миграций.

Одним из поводов задуматься над схемой Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова является проблема субстрата. Из всех индоевропейских языков максимально «поражены» субстратом, в том числе и хурритским, именно армянский и хеттский, каким-то средиземноморским—греческий, т. е. языки, наименее сместившиеся от центра прародины и потому, казалось

¹ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Древняя Передняя Азия и индоевропейские миграции. — НАА, 1980, № 1, с. 64—71; *они же*. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. — ВДИ, 1980, № 3, с. 3—27.

² Там же, с. 10.

³ Широков О. С. Место армянского языка среди индоевропейских и проблема армянской прародины. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1980, № 5, с. 91—92.

бы, имевшие больше шансов сохранить изначальный лексический фонд и морфологию, чем мигранты — «древнеевропейцы». Тем пришлось веками фильтроваться через пласты неведомых этносов на огромных расстояниях, что должно было означать утерю праиндоевропейского наследия и заимствование множества субстратных и адстратных элементов извне. На деле, как известно, германские и балтийские языки по сути свободны от сколько-нибудь явных признаков субстрата⁴. Такую стерильность центрально-европейских языков все старые авторитеты, будь то О. Шрадер, Х. Хирт и пр., объясняли как раз тем, что они эволюционировали внутри или в непосредственной близости от прародины. В этих языках сколько-нибудь ощутимого субстрата различить нельзя. Кроме того, по новейшей схеме «древнеевропейцы» откололись и двинулись в скитания позже хеттов, греков, индоиранцев, т. е. дольше общались с хурритами и прочими обитателями Закавказья. Однако в хурритской лексике нет ни общеиндоевропейских терминов, ни тем более «древнеевропейских», а только индоиранские. Соответственно у «древнеевропейцев» нет и намека на близкое соседство с хурритами, хаттами и т. п. Логичного и непротиворечивого объяснения субстратному парадоксу пока нет.

Параллельно дает знать о себе и ареальный парадокс, например греко-арийский. Авторы новой концепции сами признают исторически достоверным существование где-то и когда-то ареальной греко-арийской общности. Между тем, полностью соглашаясь с этим тезисом, надо сказать, что он несовместим с новой теорией. Направления миграционных импульсов у греков на запад, у индоиранцев на восток до передвижений «древнеевропейцев» не оставляют места для такой обособленной общности в пространстве и требуют датировать ее распад концом неолита, синхронно с первыми проявлениями начального общеиндоевропейского расщепления. К тому же греко-арийские схождения почти целиком стоят на моментах общности между греческим и санскритом, с гораздо меньшим участием иранского. Только греки и индоарии развивали эротическую космологию (Эрос и Кама), устраивали ритуальные симпозиумы⁵ с диалектическими прениями, одинаково культивировали тождественные эпические циклы с темами осады великого города, убежища похитителя чужой жены (Троя = Ланка), вынужденных многолетних скитаний (Аргонавты и Одиссей = изгнание Пандавов), возврата несправедливо поправных групповых династических прав (те же Пандавы = Гераклиды), декретированной царем богов вселенской войны и морской катастрофы в конце ее («Критий» Платона и «Махабхарата»), с образами небесного стрелка в созвездии Ориона, покровителя врачебной магии и стража брачной морали одновременно (Аполлон = Рудра), сластолюбивого царя богов и оборотня, превратившего в камень одну из своих жертв, к которой он проник в образе ее мужа (Зевс = Индра), и т. п. Иранские мифология и эпос в этих и десятках подобных им греко-индоарийских схождениях не участвовали. Уникальность греко-индоарийского культурного параллелизма, действительно ключевого для индоевропейистики в целом, гораздо более убедительно объяснялась И. М. Тронским. Он резонно рассматривал греко-арийские факты как поздние⁶.

Целый ряд подобных же парадоксов новой концепции побуждает пристальнее всмотреться в аргументацию авторов. Так, с их точки зрения, восстановленная ими ботаническая терминология обусловлена географическими условиями Передней Азии⁷. При этом упоминается известная монография П. Фридриха об индоевропейской ботанической лексике⁸,

⁴ Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956, с. 47 и 189.

⁵ Johnson W. On the Rg Vedic Riddle of the Two Birds in the Fig Tree (RV 1.164.20—22) and the Discovery of the Vedic Speculative Symposium.— JAOS, 1976, v. 96, № 2, p. 248—258.

⁶ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. М., 1973, с. 153.

⁷ Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., НАА, с. 66; они же. Ук. соч., ВДИ, с. 11.

⁸ Friedrich P. Proto-Indo-European Trees. Chicago and London, 1970.

содержащая прямо противоположные выводы о том, что центры ареалов обсуждаемых древесных пород все до одного лежат в Центральной Европе, что наилучшая сохранность общеиндоевропейских ботанических терминов представлена в балто-славянских и германских языках (отнюдь не в хетто-лувийских и армянском, как того требует теория Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова), что важнейшее место в хозяйстве и соответственно мифологии праиндоевропейцев наряду с дубом отводилось березе. Не отрицают «аргумента березы» и сами авторы новой концепции, хотя в пределах постулированной ими прародины береза никогда не росла. Между тем в санскрите только название березы — *bhūrja* — является общим с ее обозначениями у прочих индоевропейцев. Это означает, что там, откуда мигрировали индоарии, береза была главным, наиболее распространенным видом местной флоры.

Зато хорошо известно, какие древесные породы доминировали в Передней Азии. Вся территория от восточных склопов Тавра до Загроса именовалась ассирийцами «кипарисовый лес»⁹. Топонимы этой зоны образовывались от таких названий, как «дуб», «кедр», «кипарис», «тамариск», «самшит», но, естественно, не от «березы», «бука», «липы», входивших, по мнению П. Фридриха, в основную праиндоевропейский перечень. Даже в списках Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова нет ни одного переднеазиатского эндемика, что показательнее всяких рассуждений. Будь индоевропейцы уроженцами Передней Азии, они непременно обожествили бы не только дуб, но и кедр, кипарис, самшит. Но даже чудеса реконструкции бессильны засвидетельствовать их знакомство с царственными видами переднеазиатской флоры, столь пышно воспетыми в памятниках шумеро-семитских литератур.

Сходная ситуация с фаунистической терминологией. Достаточно ограничиться одним примером. Говоря о распространении в праиндоевропейской фауне южных видов, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов включают в нее и слона¹⁰. Однако сам Вяч. Вс. Иванов в 1977 г. убедительно показал, что индоевропейские названия слона порознь заимствованы извне и не восходят к единой праформе¹¹. Откуда же тогда под тем же самым пером возник праиндоевропейский слон в 1980 г.?

Большую значимость авторы новой концепции придают коневодству и колесничному делу, якобы заимствованным у народов Передней Азии¹². Их не смущает ни археологически доказанный факт доместикации лошади в Подунавье и на территории нынешней Украины не позже начала IV тыс. до н. э.¹³, ни то обстоятельство, что у шумеров, у семитов, у хурритов не отмечены ни культ коня либо колесницы, ни онаматика от терминов «конь», «колесо», «колесница». Все это, как и постоянное присутствие соответствующих образов в мифологии и эпосе, составляет глубочайшее отличие индоевропейских культур от ближневосточных.

Сколько бы ни был популярен стандартный тезис современных этноисториков о том, что никакой индоевропейской расы не существовало вообще, сами индоевропейцы почему-то думали иначе. Они с завидным упорством приписывали себе определенный антропологический облик, один и тот же от Индии до Греции. Для него в «Ригведе» употреблялся фиксированный термин *śvitnya* (1.100.18; 7.33.1; 7.83.8), что означало, как легко видеть без всякого словаря, «белокожий», «светлый», выражаясь строго антропологически, «светлопигментированный». Почти все герои «Махабхараты»

⁹ Rowton M. B. The Woodlands of Ancient Western Asia.— JNES, 1967, v. 26, № 4, p. 261—277.

¹⁰ Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., НАА, с. 66; они же. Ук. соч., ВДИ, с. 9.

¹¹ Иванов Вяч. Вс. Названия слона в языках Евразии.— Этимология, 1975. М., 1977, с. 148—161.

¹² Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., НАА, с. 67; они же. Ук. соч., ВДИ, с. 10.

¹³ Berger R., Protsch R. The Domestication of Plants and Animals in Europe and the Near East.— Orientalia, 1973, v. 42, f. 1/2, p. 222; Телерин Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973, с. 162.

ты» наделены очами цвета «синего лотоса», отнюдь не черными и даже не карими. Патанджали в комментарии к трудам Панини (VI.2.15) отмечал, что истинному брахману подобает иметь каштановые волосы и серые глаза. О прибиты к персидскому двору как темных (аборигенов), так и светлых (потомков индоевропейских завоевателей) индийцев сообщал Ктесий (Indica, fr. 9). В «Илиаде» (1.197; 17.673; 24.141 и др.) все ахейцы стандартно белокуры — Ахиллес, Менелай, как и все ахейские женщины и, наконец, сама Гера. Даже на рельефах Тутмоса IV (1420—1411 гг. до н. э.), по заключению Э. Олмстеда, египетские художники с присущей им точностью сумели запечатлеть «нордический» (индоевропейский) облик колесничей знати — *марианну*, равно как и арменоидный тип их слуг и оруженосцев ¹⁴.

Одним словом, индоевропейская традиция издревле рисовала ее носителей блондинами, чем бы это ни объяснялось. Даже если это только идеальная норма культуры, далекая, хотя это ни из чего не следует, от подлинной антропологической ситуации, то ни сама она, ни ее редкостная устойчивость не находят себе на Армянском нагорье никакого объяснения. Таковое бесспорно таится в умеренных средних широтах, там, где среди древесных пород преобладает береза и господствует суровая зима.

Только название «зимы» оказывается общим для праиндоевропейцев в их сезонно-климатической лексике, где названия прочих времен года либо отсутствуют, либо заметно расходятся. Конечно, зима была главным сезоном отнюдь не на берегах Верхнего Евфрата ¹⁵. «Ригведа» (10.75.2) и «Шатапатха Брахмана» (1.5.4.5) сообщают, что зимой деревья теряют листву, а птицы улетают. Показательна одержимость темой зимы в иранской традиции. По первому фаргарду «Видевдата» зиму учинил дух зла Ангро-Майнью, но по второму и по Яшту 5.120 — лично Ахура-Мазда. Даже в поздней парсийской хронологии эон Заратуштры назывался *hazangrok zim*, т. е. 1000 зим. А вот шумеров, семитов, хурритов тема и образ зимы нисколько не занимали, как и пребывающий в прямой с ними связи культ огня. Индоевропейцы же создали вместе с изощреннейшей ритуалистикой целую теософию огня, учение о том, что наблюдаемые формы бытия порождены и регулируются огненной первосущностью («Чхандогья Упанишада», V. 3.7; «Брихадараньяка Упанишада», VI.2.8; «Махабхарата», III.134.12-Геранлит, фр. 30, 64, 66 и др.).

Для уточнения локализации праиндоевропейцев решающее значение имеют их контакты с прафинноуграми, которых не знали, разумеется, ни шумеры, ни семиты. Наиболее ярко выражены общеиндоиранские, отдельно индоарийские и отдельно иранские схождения с финноугорскими наречиями, отражая длительный период такого взаимодействия ¹⁶. Но если те же индоарии всегда держались южнее линии Кавказ—Копетдаг, то контакты с северянами-финноуграми они поддерживать не могли бы. Сознвая данное обстоятельство, авторы новой концепции просто ликвидируют проблему. Никаких индоиранских и индоарийских контактов с финноуграми попросту не было, утверждают они ¹⁷, а существовали одни лишь иранские. И это несмотря на присутствие во многих финских заимствованиях, притом очень ранних, индоарийского *-s-* там, где по иранским лингвистическим нормам полагалось бы иметь *-h-* (например, мансийское *tas* «чужой» выводится только из индоарийского *dasa* с тем же значением, которого, кстати, нет в иранском *daša* ¹⁸).

¹⁴ Olmstead A. T. History of Palestina and Syria. Grand Rapids, 1965, p. 141.

¹⁵ Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб., 1886, с. 197.

¹⁶ Jacobson H. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922; Joki A. J. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973; Барроу Т. Санскрит. М., 1976, с. 29—30.

¹⁷ Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., НАА, с. 70.

¹⁸ Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов.— В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 27—29.

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов ставят во главу угла многократные фонологические преобразования разъятых и расщепленных, в некотором роде «атомизированных» мельчайших единиц языка. На выходе процесса возникают новые, подчас диковинные значения реконструированных терминов. Синтактика не учитывается вообще сообразно с неососюринанской тенденцией принимать во внимание только грамматическую функцию изолированного знака. Между тем исходный материал, «сырье» для реконструкции извлекается из подлинных архаических текстов, логика и конфигурация семантических полей в которых предопределялись специфическим синтаксисом, в частности законом паратаксиста, т. е. соположения и уподобления. А в реконструкцию временами вторгается наш современный гипотаксис, закон иерархических соподчинений и зависимостей. Вычлененные этимологической трансформацией «микромодули» архаической речи комбинируются нынешним научным мышлением бесспорно выдающихся лингвистов, знатоков алгебраического по его характеру преобразования ископаемых фонем. Отнюдь не покушаясь на правила игры, в данном случае этимологической, необходимо все же выразить тревогу лингвиста относительно границ ее применимости, раздвинутых Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым, на мой взгляд, сверх всякой меры.

Итоговый «рассыпной» набор незасвидетельствованных вне реконструкции праформ характеризует праиндоевропейцев якобы как оседлоземледельческий переднеазиатский этнос, чья цивилизация полностью¹⁹ или в большинстве аспектов²⁰ аналогична шумеро-семитской и хурритской. С этим не согласуются древние тексты, изображающие ранних индоевропейцев мигрантами-скотоводами, без общей терминологии ирригационного дела и гончарного производства, без храмов и храмовых общин, без культовых образов, без шестидесятиричной системы счисления, без каких бы то ни было реминисценций ближневосточного урбанизма, наконец, без письменности. В этих текстах отсутствуют основополагающие базисные и надстроечные признаки, совокупность которых исчерпывает материальную и духовную специфику цивилизаций Передней Азии. Что касается сопоставления индоевропейской социальной системы (восстановленной Ж. Дюмезилем из синтаксически связанных фрагментов традиции, а не из предполагаемых праформ) с месопотамской, то оно просто удивляет. Дюмезильанская иерархическая триада, чем бы она ни порождалась и как бы она ни расходилась с исторической реальностью в каждом отдельном случае, вполне сознавалась и преломлялась ранними индоевропейцами в тождественных фигурах мысли и поэтических образах, иной раз буквально совпадающих с Ирландии и Скандинавии до Рима и Индии. Но и следа аналогичных представлений нет в шумеро-семитских памятниках литератур Передней Азии.

В обеих статьях авторов новой концепции не рассматривается детально причина несовместимости реконструированной ими картины с данными архаических текстов. Остается допустить, что ко II тыс. до н. э., когда создавались самые ранние из этих текстов, расщепившиеся группировки индоевропейцев все вдруг были поражены выпадением памяти и бесследно утратили всякое воспоминание о своем оседлоземледельческом и северомесопотамском прошлом, как, видимо, и о темной пигментации своих далеких предков. Правда, культ огня и страх перед зимой, с очевидностью праиндоевропейские и потому возникшие, по новой теории, на Армянском нагорье среди равнодушных к этим же образам протохурритов, неизвестно как уцелели со времен позднего неолита.

Взять ли поэтический язык индоевропейцев, избыточный немислимо сложной метрикой и набором клишированных формул, одинаково неве-

¹⁹ Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., НАА.

²⁰ Они же. Ук. соч., ВДИ.

домых шумерам и семитам (кстати, глубоко исследованный как раз усилиями Вяч. Вс. Иванова²¹) или, наоборот, сугубо прозаическую хозяйственно-экономическую лексику — то и другое в одинаковой степени оказывается всецело построенным на скотоводческих метафорах и образах²². В самых существенных для культуры пластсах праиндоевропейской лексики былое земледелие оказывается ничтожным по значимости. Слегка утрируя ситуацию, можно предположить, что в эпоху оседлого горного земледелия праиндоевропейцы еще толком не умели говорить, а поэзия у них возникла лишь вместе со скотоводством, на пороге распада.

Об археологических аргументах новой теории надо рассуждать отдельно, настолько они спорны. Здесь же достаточно заметить, что в степном поясе Евразии пока что нет никаких археологических следов распространения переднеазиатской культурно-хозяйственной типологии вокруг Каспия за Волгу, Дон, Днепр и, наконец, Дунай. Наоборот, достоверные миграции конца III — начала II тыс. до н. э. в этой зоне ведут прямо в обратном направлении, с запада на восток. Так рассеялись из Центральной Европы племена шнуровой керамики. Особенно четко прослежены пути фатьяновцев и двигавшихся на их южном фланге балановцев. Те и другие продвигались откуда-то из Приднепровья в Заволжье. Позднее в том же направлении перемещались абашевцы. По новой теории все они не могут быть индоевропейцами, по старым воззрениям, однако, по крайней мере фатьяновцы — бесспорно индоевропейцы по археологическим признакам их предшествования историческим балтам, абашевцы же — либо какая-то ветвь индоиранского массива, либо тохары. При известной проблематичности столь точных атрибуций индоевропейскую в целом принадлежность тех и других, включая балановцев, опровергать не приходится до появления к тому документальных, а не реконструированных данных.

Суммируя вышесказанное, остается констатировать, что противостояние итогов реконструкции сообщениям связанных текстов представляется критическим порогом для новой концепции. Дело, по всей видимости, не в слабой индоевропейской памяти и не в течении времени, а в том, насколько правомерны проекция равновременных и достаточно поздних фактов на праиндоевропейский фон и устройство из всего этого социально-политической системы оседлоземледельческого общества раннемесопотамского типа, единственно лишь упустившего возможность обзавестись письменностью. Не раз уж слышались возражения против подобных процедур. Так, Э. Палгрэм, быть может, с излишним скепсисом, подчеркивал, что праиндоевропейский язык есть идиолект современных лингвистов, а не тех реальных скотоводов и охотников, что населяли исконную индоевропейскую прародину. Реконструкция их общества и культуры из реконструированных же лексических форм он трактовал как тавтологию, вращение в порочном кругу²³. Столь же категорически возражал против незаконной пространственной и хронологической унификации реконструированных элементов речи В. Пизани. Он даже обвинял реконструкторов структуралистского толка в смешении гегельянского идеализма с принципами биологического натурализма, т. е. в трактовке языка как организма, что, конечно, крайность. Тем не менее стоит прислушаться к его замечаниям о том, что весь праиндоевропейский лексический фонд не мог возникнуть в одном и том же месте в одно и то же время, да еще тотчас же единообразно распространиться на сколько-нибудь значительной тер-

²¹ См. предисловие Вяч. Вс. Иванова к сборнику «Луна, упавшая с неба» (М., 1977) и его статьи в сборнике «Структура текста» (М., 1980).

²² *Campanile E.* Indo-European Metaphors and Non Indo-European Metaphors.— *JIES*, 1974, v. 2, № 3, p. 247—258; *Benveniste E.* Les valeurs économiques dans le vocabulaire indo-européen.— In: *Indo-European and Indo-Europeans*. Philadelphia, 1970, p. 307—320.

²³ *Pulgram E.* Proto-Indo-European Reality and Reconstruction.— *Language*, 1959, v. 35, № 3, p. 424.

ритории. Даже заведомо общие формы отнюдь не всегда изначально во всех случаях, нередко будучи итогом вторичных контактов, и звучали не во всех точках индоевропейского пространства. Наконец, нет оснований связывать распространение культурных явлений только с перемещениями и контактами соответствующих этносов. При всей склонности В. Пизани к едкому критицизму, он, видимо, не без оснований квалифицировал безудержную реконструкцию как занятие «изящной игрой в оторванные от жизни абстракции»²⁴. Уместно напомнить, что не кто иной, как сам Дж. Чэдвик, обсуждая степень достоверности историко-культурных реконструкций на основе микенских текстов II тыс. до н. э., признался: «Этимология не является точной наукой»²⁵.

Выступать против новой, несомненно глубоко продуманной концепции психологически неприятно, но к этому побуждают как избыток отмечаемых по ходу реконструкции фактов, так и ее спорная методика. Не обязательно следовать за Э. Палгрэмом и В. Пизани в неприятии идеи этимологической реконструкции вообще, но требовать сужения ее границ и применимости вполне допустимо. Уважение весомых научных заслуг и блестящей эрудиции Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова в свою очередь не означает обязательного признания их концепции. Даже наоборот, как раз ведущая роль обоих в отечественной лингвистике, самый их авторитет требуют выразить сомнение в правоте новой теории, пока для этого остаются поводы, сегодня еще весьма основательные.

ON THE LATEST SOLUTION OF THE INDO-EUROPEAN PROBLEM

L. A. Lelekov

According to T. V. Gamkrelidze and V. V. Ivanov (*NAA* 1980, 1; *VDI* 1980, 3) the traditional view of Indo-Europeanistics is radically mistaken. According to their hypothesis the original homeland of I. E.-speaking peoples should be seen in Hither Asia, centering on the Armenian uplands, in a social context identified by its economic typology as belonging to settled farming cultures. This latest hypothesis is in contradiction with many established facts, in particular with the anthropological characteristics of ancient I. E. speakers, with the important place of winter in their seasonal-climatic lexicon, with their hypertrophied fire cult and worship of the birch, the typical tree of the East European plains and never found in the flora of Hither Asia. The conflict between the new hypothesis and traditional views appears to be due to the authors' method of etymological reconstruction and their inattention to certain historical factors.

---

²⁴ Общее и индоевропейское языкознание, с. 165; *Pisani V. Lingue e culture. Brescia, 1969, p. 28—30.*

²⁵ *Chadwick J. Minoan Linear B: a Reply.— JHS, 1957, v. 77, № 2, p. 203.*